

Юлия Комольцева

МОРЕ
ВОЛНУЕТСЯ — РАЗ

Юлия Комольцева

Море волнуется – раз

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Комольцева Ю.

Море волнуется – раз / Ю. Комольцева —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Лада уже взрослая девочка, но верит в сказки и ждет принца на белом коне. Из-за своей наивности она неожиданно попадает на берег моря в полном одиночестве, заводит странные знакомства, становится жертвой похищения, ввязывается в скандальные истории. Ее может спасти только настоящий герой. И вот он появляется – бравый майор МЧС, опытный и неустрашимый. Но рядом с ним вдруг опасность вырастает...

© Комольцева Ю.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Юлия Комольцева

Море волнуется – раз

Пролог

Август, 2004 год

Было темно. Совершенно и окончательно темно. Мелькнула даже мысль, что ее просто-напросто замуровали. Буквально, как царя Ивана Василича в лифте. Только не смешно получилось. Во всяком случае, ей не до смеха. Хотя истеричное хихиканье время от времени пробивается.

Нет, так не пойдет.

Истеричной барышней она никогда не была, и становиться не собиралась. Конечно, проще всего брякнуться в обморок, но она не умеет, даже пытаться нечего. К тому же медсестра хирургического отделения – будущее светило отечественной медицины! – просто не имеет на это права.

Даже если она в отпуске.

Даже если ее похитили.

И даже если вокруг непроглядный мрак и странное, пугающее до колик в желудке движение.

Точно. Движение. Как это она сразу не поняла?

Так что же это, сказку Пушкина кто-то в жизнь решил воплотить, что ли? Родила царица в ночь не то сына, не то дочь... А потом ее, беднягу, за такие дела посадили в бочку и бросили в море.

Очень похоже.

Только она не царица и вовсе даже не стремилась преподнести царю наследников.

А темнота между тем качается. Плавно так, тихонечко. Ну точь-в-точь как в бочке, несущейся по волнам.

Откуда тебе знать, каково в бочке-то?!

Оттуда!

Догадливая потому что.

Ну-ну, тогда догадайся, кому понадобилось тебя похищать? Может, ты недавно сейф вскрывала вместо трупа в анатомичке, а? Или на твою небесную красоту польстился турецкий падишах, и велено было доставить тебя в гарем именно таким экзотическим способом?

А почему бы и нет? Красота, может, и не небесная, так обаяние просто дьявольское!

Балда! Самое время кокетничать! Наедине с собой! В полном мраке, который прямо-таки вибрирует от надвигающейся опасности. Родителей надо было слушаться, вот что! Родители, они худого не посоветуют. Была бы сейчас спортсменка, чемпионка, и в обиду себя не дала! А то скрутили, как овцу!..

Собственно, почему – как овцу?! Вполне вежливо обращались. Даже бережно.

Еще скажи «ласково», и версия с падишахом окончательно утвердится в твоей глупой голове. Истинная балда! Стопроцентная!

– По голове меня, что ли, били? – задумчиво произнесла она вслух.

Страшно не было. Разве самую малость. И еще – очень любопытно. Очнувшись в этом чернильном мраке, она сначала долго вопила, надеясь довести похитителей до инфаркта, а потом их, оглушенных и полумертвых, допросить. План не сработал. Тогда она попыта-

лась на ощупь определить, где находится. Но было ясно только одно: склеп – или бочка все-таки?! – имел четыре стены, дощатый пол и нечто, похожее на кровать. Еще удалось нащупать дверь. И снова покричать под ней.

Собственные вопли очень быстро надоели, и, добредя кое-как до кровати, она брякнулась навзничь.

Значит, так. Орать бесполезно. Взламывать замки она не умеет. Рыть подкоп нечем.

Стало быть, надо ждать. Утро вечера мудреней.

Еще бы узнать, что сейчас – утро или все-таки вечер? Скорее, ночь. Южные ночи они как раз такие вот темные. Значит, самое время поспать.

Придя к такому выводу, она повозилась немного, улеглась поудобней, посетовала вслух, что не может, как всегда перед сном, почитать Шекспира. Или, на худой конец, Бальмонта. Довольно хихикнула над собственной шуткой и уснула с мыслью о том, что возможно это и есть приключение, то самое, настоящее, долгожданное приключение, о котором она так давно мечтала.

Июль того же года. Российская глубинка

После ночной смены гудела голова, руки тряслись, и воздух вокруг казался пропитанным хлоркой и нашатырным спиртом. Усталость была привычной, даже приятной немного, но жара, подступившая к городу еще на рассвете, теперь придавила особенно тяжело. Спину ломило нестерпимо, в висках барабанили дятлы, и пот в три ручья лился по спине и по бокам.

Зря она отказалась от Пашкиного подарка! В конце концов, брат должен помогать сестре, разве не так? А ей, видите ли, приспичило независимость и самостоятельность проявлять.

Каталась бы сейчас на машинке и горя не знала.

Хотя вряд ли можно доехать до дома целой и невредимой после двенадцати часов беготни между тяжелыми и совсем тяжелыми больными, чья бессонница – только ее забота.

Так что на машинке пусть ездит мама. Если, конечно, перестанет от страха путать папину коленку с коробкой передач и сдаст на права.

Троллейбус еле плелся, и она, в конце концов, заснула, отчаявшись попасть домой и устроиться, как белый человек, на кровати.

– Девушка, девушка, – кто-то сильно тряс ее за плечо.

– Сейчас, – пообещала она, но глаз не открыла.

– Эй, да проснитесь же! Предъявите билет! Слышите, девушка? Где ваш билет?

Лада, не приходя в сознание, бодро отрапортовала:

– В тумбочке, на полке с анализами. А утки я вынесла и клизму Федоровой поставила.

Что-то оглушительно загрохотало. Дождь, что ли, пойдет? Вон какой гром. Хорошо бы дождь. Очень кстати. Не надо будет душ принимать.

С этой мыслью она проснулась и увидела прямо перед собой незнакомую физиономию, перекосившуюся от хохота. Вокруг было еще десяток таких же, в смысле, хохочущих.

– Чего? – зевнула Лада.

– Девушка, про клизмы и утки я понял, – икая, заявил контролер, – а билетик ваш где?

– Билетик? – уточнила она в общем многоголосье забавляющихся пассажиров.

– Ага.

– Мой?

– Именно.

Лада весьма проворно выудила из сумочки кошелек и достала очень мятый талончик двухсотлетней давности.

Деньги на проезд, конечно, были. Но не могла же она после ночной смены тащиться через весь троллейбус к водительской кабине – ради того только, чтобы числиться в ряду законопослушных граждан.

Нет, не могла.

Вот бы к морю сейчас, это да. Это – выход. Только чтобы в поезде двое суток не торчать, жилье не искать, до пляжа сто километров не чапать, детские вопли не слышать, пьяные морды в прибрежных кафе не видеть, а сразу – на песочке голышом и одной.

Кайф?

Еще какой!

– Это что? – спросил контролер, и Лада поняла, что ее силы самовнушения не хватило, чтобы оказаться немедленно у кромки воды.

– Билет, – устало выдохнула она.

– Да ему сто лет в обед! – удачно, но банально срифмовал парень.

Откуда берутся такие зануды, лениво подумалось ей. Ста рублей штрафа было жалко. А разговаривать абсолютно не хотелось.

– Нормальный билет, чего вы! – вступилась за нее какая-то сердобольная тетка в панаме.

– Да вы посмотрите только! – возмутился контролер. – Она его пробивала, наверное, раз десять уже! Тут же дырка на дырке!

Лада смотрела в окно и тяжело вздыхала. Жить ни чуточки не хотелось. Разве только не здесь и не сейчас. Вот бы в восемнадцатый век перебраться, а? Там тебе ни троллейбусов, ни билетов, ни штрафов.

Или все-таки на море лучше? На наше, современное. Взять отпуск за свой счет, принять от брата очередное пособие и свалить!

На крайний случай, можно и зарплаты дожидаться. Вдруг опомнятся и дадут? Бывает же. Вон, в позапрошлом месяце давали. Правда, чтобы на море хватило, надо год ждать: не есть, не одеваться и в троллейбусах вообще не ездить. Или брату на шею садиться. Или на родительскую пенсию глаз положить.

Нет.

Решила быть взрослой, вот и будь. Выкручивайся, как знаешь. Про море даже не думай.

– Ну, вот же, вот! – надрывался парень, интенсивно обмахиваясь кепкой. – Вы гляньте, какие у вас дырки, и какие у нее!

– Молодой человек! Вы бы ясней выражались!

– Так ведь не платила она!

И не буду, упрямо подумала Лада. Экономить начну. Пешочком похожу, кефирчика попью или на обед к родителям побегаю, вот и накоплю потихоньку. Лет через десять съезжу на море.

Балда стоеросовая! Возьми у Пашки займы хотя бы, вот тебе и будет море!

Или у Соньки попроси, у нее есть.

У нее-то есть. И у Тамары есть. И еще, наверное, у кого-нибудь. Что с того? Возвращать-то как? Гордость-то тоже, поди, надо иметь.

Поеду автостопом, решила Лада и моментально успокоилась. Почему нет? Ездили же они с одноклассниками лет пять назад и прекрасно жили дикарями на пляже.

Жить стало лучше, жить стало веселей. Сунув сотню в распаренную лапу контролера, медсестра городской больницы имени Бурденко, двадцатичетырехлетняя студентка, уставшая и взмыленная, как лошадь, худая, как сушеная вобла, но с горящими счастливыми глазами, выскочила на остановку.

Отпуск на море приобрел вполне реальные очертания, а больше и желать было нечего. Насчет последнего, конечно, она лукавила. Хотелось – сильно хотелось! – отправиться на

море не в гордом одиночестве, и вовсе не за тем, чтобы отдохнуть и набраться сил. А чтобы кто-то – сильный, надежный, родной – заботливо втирал в кожу крем от загара и подставлял крепкие плечи, сбрасывая ее, визжащую от восторга, в тугую прозрачную воду, и черной непроглядной ночью угадывал ее улыбку, улыбаясь в ответ. Чтобы пополам – брызги волны, солнечный удар, томная нега, хрусткий песок тоненькой струйкой между пальцев.

И горячие соленые поцелуи, и влажные короткие пряди, щекочущие лицо, и сердце в пятках, и сонная, изнеможенная радость, и блики вечерних фонарей у набережной, и смутный рисунок губ, и долгожданные слова уносит прибой.

Она бы научилась быть счастливой, правда. Она бы сумела. Для этого нужно совсем немного. И море совсем ни при чем.

– Тогда оставайся, – пробурчала Ладка себе под нос, но довольно громко.

Проходивший рядом мужик шарахнулся в сторону, едва не стукнув ее по боку плотной хозяйственной сумкой.

– Вот, – тише сказала Ладка, – и люди уже от меня разбегаются!

Какое к черту море пополам! Половинок не существует в природе! Есть где-то целый человек, и он ее ждет. Или не ждет. Но он есть!

Или нет?..

Отдохнуть, действительно, необходимо.

Отпуск она не брала три года – ровно столько, сколько работала в больнице. Значит, должны понять.

Впрочем, нет. Никто ничего ей не должен, Ладка давно приняла эту простую истину.

Тогда были последние папины соревнования. Он сорвал спину прямо на площадке, и уже не мог ни согнуться, ни разогнуться, и беспомощность – непривычная, страшная! – в его глазах показалась Ладке концом света, и вой скорой помощи стоял в ушах до сих пор.

– А что вы хотите? – удивлялся молодой, бородатый врач. – У него же нагрузки на позвоночник с десяти лет! В его возрасте давным-давно пора на тренерскую уходить!

Папа дико вращал глазами и вопил, что врачу самому надо уходить, и даже назвал конкретный адрес.

– Покой, покой и еще раз покой, – сказал доктор, нимало не обиравшись.

А мама закрыла лицо ладонями, и по пальцам у нее побежала влага.

Мама никогда не плакала. Даже когда сама ушла «на тренерскую», вовсе не желая уходить. Но со своей бедой, – а конец спорта был именно бедой, – мама умела справляться, с папиной – не получалось. Ладка тогда жутко разозлилась и кричала, что отцу нужна поддержка, а не рыдания, и бегала по врачам, и по знакомым, и доставала лекарства, и давала взятки. Мама потерянно бродила по дому, Пашка был на стажировке за границей, и Ладка осталась совсем одна наедине со взрослыми проблемами.

И никто ничего ей не был должен. Даже врачи, будь они неладны, с их клятвой Гиппократ. Даже медсестры, не имеющие ни малейшего желания оторвать задницу от теплых диванов и сделать обезболивающий укол. Несмотря на то что помимо зарплаты получали крупные «чаевые». Ладка сама научилась ставить уколы, научилась добиваться своего, научилась открывать двери с ноги, требовать, умолять, научилась не замечать хамства, засовывать подальше гордость и чувство собственного достоинства. Это чувство, лелеемое и оберегаемое с детства весьма упорно, теперь не имело никакого значения.

Папа, конечно, поднялся, разве мог он обмануть ее ожидания. Вместо этого он обманул ожидания врачей, предсказывавших пожизненное инвалидное кресло.

После этого Ладка подала документы в медицинский.

– Дочка, не надо таких жертв, – умоляюще складывала ладошки мама, – ты же всю жизнь мечтала преподавать.

Было такое. Лет в шестнадцать она, и правда, мечтала сеять разумное, доброе, вечное, и поклялась себе с истинным юношеским максимализмом, что никогда не повысит голос, не унизит, не станет зевать на уроках от скуки, а разработает – ого-го! – целую программу, современную, новаторскую программу обучения!

Почему-то родители не вспомнили об этом, когда после школы уговаривали ее поступать на юрфак, где было все схвачено. Почему-то шибко радовались, когда она провалилась на первом же экзамене в пед, и стали ждать, когда девочка опомнится и возьмется за ум. Девочка не взялась и три года болталась, как... Словом, болталась. То принималась мороженым торговать, то в городской библиотеке убирать, то подписи избирателей собирала.

А теперь ей пришла в голову новая блажь. Так считали родители.

– Что ты мечешься в разные стороны? Попробуй лучше еще раз в педагогический, – невозмутимо советовал отец. – Надо уметь добиваться своего.

Ладка знала, что надо. И добилась, поступив в медицинский с первой попытки. И ей было плевать на косые взгляды желторотых сокурсников, за глаза называвших ее, двадцатилетнюю, старой шваброй. Или как-то вроде того.

Зато теперь до диплома оставалось всего два года, и практики у нее уже было предостаточно, и планов навалом, и усталости – выше крыши.

Казалось, еще чуть-чуть – и терпение лопнет, руки повиснут плетьюми, чугунная голова треснет от перегрева, и прямо на улице она забудется тяжелым, долгим сном.

Отпуск – вот что ее спасет.

* * *

– Алле? Ты где?

– На работе, – откликнулась Соня, придиричиво рассматривая собственные ногти на подушечке у маникюриши.

– На работе?! – не поверил Митька. Обычно в редакции она появлялась только после обеда, всего на пару минут. Исключительно для того, чтобы коллеги заценили новый прикид и поделились последними сплетнями.

– Ну, почти, – неохотно уточнила Соня, – у нас тут салон красоты на первом этаже открылся, я провожу анализ качества.

Ясно. Завтра в еженедельнике «Стильная девчонка» появится статья о новых тенденциях нанесения макияжа, или как там это называется. Митька хихикнул. Сонька после окончания юрфака почему-то возомнила себя журналисткой и вот уже пару лет изгалялась в написании рекламных статей. Прибыльное дело, кто ж спорит? Но разве об этом мечтали ее родители, владельцы крупнейшей в городе адвокатской конторы? Девочку готовили для достойной смены, продолжения семейной традиции, вот как!

А Сонька вильнула хвостом, потратила недельное пособие на самый крутой ноутбук, обзавелась журналистским удостоверением, достала пухлую записную книжку и принялась на все лады рекламировать сеть ресторанов бывшего одноклассника, боулинг-клуб нынешнего любовника, салон обуви знакомого по детскому саду и так далее. Клиентов было вагон и большая тележка. А родители не переставали ныть о социальном статусе, намекая, что журналистика – совсем другая прослойка. В смысле, что ниже.

Митька раз двадцать на дню выслушивал Сонькины причитания на эту тему и все никак не мог взять в толк, откуда в ней столько упрямства. На фиг, скажите, пожалуйста, сдалась ей «Стильная девчонка», если в конторе ждет теплое и прибыльное местечко адвоката?!

Он вот, например, безо всяких выкрутасов пошел проторенной тропкой, заранее и любовно подготовленной родителями. А что? Почему бы и нет? Дорожка ровная, идет

легко и весело, попутно можно в дорогие кафе заглядывать, с девчонками знакомиться, выбирать в сверкающих витринах галстук к очередному сейшну или новый автомобиль. Старый-то уже того... пообносился.

– Ну, что? – томно вздохнула Сонька, возвратив его в реальность. – Ты по какому поводу звонишь-то?

– Пообедаем вместе? – пробурчал он, недовольный ее тоном.

Как будто старый друг не может позвонить просто так, без повода!

– Ой, я даже не знаю, – протянула она, изо всех сил изображая деловую женщину, – у меня дел выше крыши!

Сонька ему нравилась. Мало того, он был в нее влюблен. И терпел, когда ей приходило в голову поиграть в этакую бизнес-леди.

– Ладно, тогда давай поужинаем.

– Я вечером с Тамарой встречаюсь. Может, и Ладка подрулит. Мы в «Богатыри» собираемся.

Ага, смотри сценарий «Секс в большом городе»! Будут пить текилу, глазеть на мужиков и со слезой в голосе обсуждать прыщ на подбородке!

Сонькины подруги шли довеском, и Митьке приходилось терпеть заодно и их. В конце концов, любовь требует жертв, разве не так? К последним относились счета в ресторанах, куда Соня соизволяла с ним наведываться, а также – покореженный бампер его БМВ, на которой ей вздумалось покататься однажды.

Придя в раздражение от предполагаемой дружеской встречи, Митька отключился, пообещав перезвонить попозже. Как большинство мужчин, он был уверен, что никакой такой женской дружбы не существует и незачем тратить время на бессмысленный треп.

Подумав немного, он позвонил Тамаре.

– Чего вы там не видели, в этих «Богатырях», а? – вроде недоумевал он на протяжении всего разговора.

Томка в ответ жалела его, называла «бедным мальчиком» и просила не нервничать так.

– Ты бы беспокоился, когда она на свидания ходит, а к нам-то чего ревновать? И вообще, давай, подгребай туда же, у нас от тебя секретов нет.

Это точно. Нет. Митька назывался в их компании «хорошим парнем», при котором можно было обсудить остальных (видимо, не слишком хороших парней), а также похвастаться новым комплектом белья и посоветоваться насчет контрацепции. Ну, еще много чего.

Какого черта он все это терпел?

– Ладно, приду, – хмуро сообщил он Тамаре, не найдя ответа.

* * *

Из-за тупых криворуких осветителей съемка задержалась, и Тамаре пришлось потеть под гримом лишние полчаса. За что, спрашивается, им деньги платят, а?

– Томочка, вы сегодня великолепны! – на выходе догнал ее чей-то комплимент, разозлив еще больше.

Можно подумать, только сегодня!

Можно подумать, что ее великолепие заметили бы, если не папа!

Тамара не была красавицей, зато, в полном соответствии с законом сохранения энергии, обладала умом и пользоваться им умела. Впрочем, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, почему ее посадили в кресло ведущей популярной передачи. Если у папочки контрольный пакет акций, дочурка непременно должна этим воспользоваться. Правда, первое время Тамара слегка комплексовала и старательно опровергала заочное мнение о себе, как об избалованной коронованной особе. Потом ей стало плевать. Русская

народная мудрость гласит: «На чужой роток не накинешь платок!» Очень тонко подмечено. Конечно, весь телевизионный люд судачил за спиной, что она никуда не годится и только благодаря отцу маячит на экране. И мнения своего не изменил даже тогда, когда Тамарина программа за два года существования выбилась на первые места в рейтингах. Томка окончательно уверилась, что доказывать кому-либо свою состоятельность не имеет смысла, и больше на сплетни не обращала внимания.

Жаль только, что притворяться она не умела и в ответ на фальшивые улыбки улыбаться не могла, прослав среди коллег еще и задавалой.

Ну и черт с ними! Зато у нее есть Ладка с Сонькой.

Выяснилось, что на сегодняшний вечер – только Сонька.

– А где наш доктор Айболит? – спросила Томка, устраиваясь рядом с подругой за столиком.

– Не знаю, – та пожала плечами. – Дома ее нет, может, сюда добирается.

Клуб «Три богатыря» находился на окраине города, у въезда в престижный коттеджный поселок, каких в провинции расплодилось невиданное количество. Местные дворцы вполне могли потягаться со столичными каменными монстрами за высокими резными заборами.

«Богатыри» как нельзя лучше подходили владельцам замков для проведения досуга. Цены здесь были запредельными, обстановка богатой, названия блюд таинственными и многословными.

– Надо Ладке мобильник подарить, вот что! – с некоторой досадой проговорила Сонька. – На дворе двадцатый век, а эта малохолдная всю зарплату на книжки изводит!

– Не возьмет, – покачала головой Тамара. – Не возьмет она мобильник-то.

Соня задумчиво отправила в рот кусочек лосося.

– Да? Вообще, может и не взять. Слушай, так у нее же день рожденья в августе, вот и повод, пожалуйста! Не отвертится!

– До августа еще дожить надо, – пессимистично заявила Тамара, делая заказ. – А Митька где?

– А что? Он должен прийти?

– Ну, а как же? Куда ты, туда и он. Слушай, а ты чего минералку хлещешь? Заказать тебе текилу?

Сонька замахала руками, ссылаясь на вчерашнюю попойку в казино.

– Две сотни проиграла и напилась с горя, как свинтус! – призналась она.

– С кем была? – живо полюбопытствовала подруга.

– С Вовчиком, конечно. Только Митьке не говори, он его особенно не любит.

– Я Вовчика тоже не люблю, – заявила Тамара. – Скользкий тип и совсем тебе не подходит. Кстати, Сонь, и чего ты Митьку не осчастливишь? Пацан уже места себе не находит!

Сонька помрачнела.

– Циничная ты, Белка!

Белка и Стрелка – были они сто лет назад, в школе.

Тамара – беленькая, с пушистой челкой, пухленькая, но ловкая. Чем не белка?

У Соньки фамилии была Стрельникова, тут и выдумывать ничего не пришлось.

А Ладка появилась позже, то ли в шестом, то ли в седьмом классе, и давать ей прозвище – даже самое безобидное – было опасно. В ответ Ладка одним словом могла так припечатать смельчака, что на всю жизнь запомнилось бы.

– Где же она? – нетерпеливо завозилась Томка. Больше для того, чтобы оглядеть посетителей и составить программу на сегодняшний вечер. Достойных кандидатов не обнаружилось, и она со спокойной душой увлеклась ужином.

– А как же диета? – пожурил Митька, издав разглядевший на ее тарелке огромный бифштекс. – Здрате, девочки.

– Здравствуйте, мальчики, – по традиции откликнулась Сонька, а Тамара молча кивнула, тщательно пережевывая.

Процесс был приостановлен трезвоном мобильного. Томка чертыхнулась сквозь зубы, включила телефон и неразборчиво поинтересовалась:

– Чего адо?

– Ты заболела? – испугались на том конце провода.

– Я эм! Я эбе щас Сою ам.

– Не надо Соню «ам»! – в притворном ужасе взмолился Митька. – Ограничься уж бифштексом!

Сонька выразительно скривилась, демонстрируя, что шутка не удалась, и взяла у подружки трубку.

– Лад, это ты, что ль? Ты где?

– В институте, где же еще? А что у вас там происходит?

– Мы ужинаем, – коротко пояснила Сонька, – ты забыла, мы сегодня договаривались в «Богатырях» посидеть.

– Не знаю, о чем вы там договаривались, я зачет сдаю!

– В семь часов вечера?! – подивилась Соня. Мало того, что Ладка работала, как прокаженная, так еще до сих пор училась! Хотя еще в школе было известно, что Сонькины родители всем трем помогут поступить на юрфак, Ладка неожиданно воспротивилась и возжелала самостоятельности.

И только три года спустя нашла себя – так это принято называть.

И Сонька, и Тамара через подобные поиски тоже прошли, вполне подругу одобряли, но настаивали, что во всем должна быть мера.

Одно дело – самостоятельный выбор, и совсем другое – полный отказ от поддержки. Родители, конечно, все без исключения зануды, но без них трудно. А насколько трудно – этого ни Соня, ни Томка не рискнули узнать. А Ладка вот рисковала. Жила на одну зарплату медсестры!

Подруги восхищались ее героизмом, а Митька неизменно кривился и называл это не чем иным, как гордыней, которую надо вовремя смирять.

Гордая Ладка на том конце провода требовала Тамару.

– Я у нее попросить кое-что хотела!

– У меня попроси, – разрешила Сонька. – Что такое есть у Томки, чего нет у меня?

Они всю жизнь ревновали Ладку друг к другу и соперничали за ее внимание. До смешного доходило. Как в песочнице у закадычных приятелей: «Возьми мой совочек, мой лучше!»

– Мне палатка нужна, – наконец, призналась Ладка, – одноместная. У Томки точно есть, я знаю, она еще в поход ее брала. Помнишь, в десятом классе?

– Вспомнила бабушка первый поцелуй! – довольно расхохоталась Сонька. – Ту палатку давным-давно мошь слопала! А у меня новенькая, поклонник один подарил на двадцать третье февраля.

– Смешно, – криво усмехнулся сидевший рядом Митька, и Томка, обиженно фыркнув, отвернулась в другую сторону.

– Так что? Точно есть? – спросила Лада. – Я тогда к тебе завтра заеду. Все, извини, профессор поужинал, идет меня мучить. Пока.

Сонька задумчиво поскребла трубкой висок.

– Не приедет? – спросила Тамара, расправившись к тому времени с мясом.

Подруга помотала головой и рассказала про палатку.

– Зачем она ей понадобилась, а?

– Может, деньги на квартиру кончились? – снова попытался схохмить Митька, но, получив с обеих сторон по пинку, моментально смолк.

Тамара скучным голосом изрекла, что это никуда не годится. Они не принимают в жизни подруги никакого участия, и последствия могут быть необратимы.

– Какая же ты пессимистка! – раздраженно перебила Сонька. – Подумаешь, палатка! Может, Ладка в поход собралась, что в этом плохого? Правда, почему-то одноместную просила, – добавила она смущенно.

– Вот-вот!

– И что такого? – удивился Митька. – Это у вас только секс на уме! А Ладка девушка серьезная...

Вот это было заявление, никак не отвечающее действительности. Митька, увлеченный разглядыванием Сонькиной грустной физиономии, как-то позабыл, что «серьезная девушка» этой весной по полной программе над ним прикольнолась. В жестокой и извращенной форме.

Митькиных родителей тогда едва сердечный удар не хватил, да и самому ему пришлось туго, пока не выяснилась правда. А когда выяснилась все-таки, он с Ладкой месяц не разговаривал. Шуточки! Достала у себя в больнице какие-то бланки, печать раздобыла и прислала ему повестку якобы из военкомата.

Ладно бы первого апреля! Так нет, в день рождения! Хорошенький подарочек. Митька протрезвел тогда в одну секунду.

– Да уж «серьезная»! – проворчала Тамара, в отличие от него тут же вспомнив все Ладкины подвиги.

Время от времени та находила весьма странные методы борьбы со скукой. Вместо того чтобы заодно с подругами лихо отплясывать на столе в каком-нибудь казино или рассекать по шоссе со скоростью сто пятьдесят, Ладка каждый раз выдумывала что-то совершенно феерическое. Могла шутки ради у ментов из-под носа патрульную машину угнать. Декана своего до полусмерти испугала несуществующим компроматом о-очень личного характера. Исключительно по дурости взяла вместо денег обещание не требовать со студентов непомерных взяток.

– Ты у нее дома когда в последний раз была? – вдруг спросила Сонька.

– А что?

– А то! Черт с ней, с палаткой! Ты бы видела, что у Ладки в холодильнике!

– А что?

– Ничего! Совсем ничего!

Тамара отвела глаза. Сонька натужно пыхтела, будто бы весь день таскала кирпичи. Совесть давила, а не кирпичи вовсе.

– Какие мы подруги после этого, а? – прокурорским голосом воскликнула эта самая Сонькина совесть.

– Никакие, – подал голос Митька, – так что срочно завязывайте дружить!

– Ты достал уже со своими тупыми шутками, понял?

Соня смотрела на него с таким презрением, что Митька понял: в ближайшее столетие их совместное семейное счастье вряд ли возможно. Приуныв, он задумался, как реабилитироваться, и не придумал ничего лучшего, чем сыграть в благородство.

– Давайте встретим ее из института, отвезем ужинать, а потом потихоньку затарим холодильник!

– Тоже мне меценат! Ладка даже от собственного брата нос воротит, – сказала Томка.

– Слушай, а кстати, что там с братом? – внезапно оживилась Сонька. – Вы с ним давно виделись?

Тамарины щеки моментально полыхнули маками. Эта тема была актуальной не сейчас, а в прошлой жизни, в школьных коридорах, где однажды она столкнулась с Ладкиным братом, пришедшим на какой-то дурацкий концерт.

Косая сажень в плечах, солидные очки, прищуренный взгляд, плотно сжатые губы.

Разве могла она после этого выступать?

Тогда, в прошлой жизни, сердце неслось вскачь, и восторг не утихал ни на секунду, и неистовая надежда на счастье разделенной любви горела в груди, а потом были тихие слезы, и сострадательные взгляды подруг, и глупые советы, и клинья, которыми она мужественно вышибала его из сердца.

Оказывается, до сих пор только и делала, что вышибала.

А может, покраснела просто от духоты? Тоже причина уважительная.

– Так что, – потрепала ее Сонька, – давно вы виделись?

– Я не помню, – соврала Томка, – кажется, на прошлой неделе мы у Ладки столкнулись.

– Понятно, что у Ладки, где бы вам еще сталкиваться! – воскликнула Соня. – Аполлон у нас мужчина деловой и жутко занятый, по тусовкам не бродит.

– Аполлон?! – растерянно моргнул Митька. – Он что, красавец такой?

Тамара покраснела пуще прежнего и сказала, что так и есть – писанный, писанный красавец!

Сонька добавила, что Ладкин брат, по паспорту действительно Аполлон, в просторечьи зовется Пашкой. Родители – бывшие спортсмены – и с ним, и с дочкой обошлись весьма сурово. Один – Аполлон, другая – Олимпиада. Сразу ясно, что семья оригинальная и шибко веселая.

– А чего ты про Пашку вспомнила? – вроде как небрежно спросила Тамара.

– Думаю, как Ладке помочь, – нахмурилась та. – Можно объединиться и всем вместе взять над ней шефство.

Тимур и его команда, подумалось Митьке, но он промолчал. Решили поиграть в благотворительное общество «Надежда медсестер», пусть играют. Все лучше, чем на мужиках виснуть с утра до ночи.

– Может, ты с ним встретишься?

– С кем? – испугалась Тамара.

– Ну, с Пашкой.

– Зачем? Что я ему скажу? Мы всю дорогу только погоду и обсуждаем.

Хотелось бы, конечно, это исправить. Но в присутствии Ладкиного брата обычная Тамарина уверенность бросала ее на произвол судьбы, улетучиваясь без остатка. И снова, как в десятом классе, невозможно было выговорить ни словечка, ни посмотреть в глаза, ни сохранить нормальное выражение лица. Глупая улыбка расплзалась от уха до уха, и Пашка наверняка был убежден, что подруга сестры – натуральная идиотка.

Нет, не может она с ним встретиться! Нет, нет и нет.

– Да, да, да, – сказала Соня настойчиво. – Должны мы Ладке помочь или не должны?

– Как помочь? В чем? – простонала Тамара.

– В чем-нибудь. Скажи Пашке, что мы волнуемся, переживаем за нее, что надо предпринимать уже решительные действия, а не смотреть, как бедная девочка убивается на работе и голодает!

– Она у родителей ест, – быстро возразила Тамара. – Ладка же готовить не умеет совсем. Наверное, потому и холодильник пустой!

Минут двадцать они еще спорили, совершенно позабыв о Митьке, в голове которого зрела мысль о возможной мести. Пусть себе планируют благородное дело, у него совсем другой план, и это вполне можно совместить. Хотя бы попробовать.

Июнь, 2004. Лазоревское, Сочи

Самое паршивое, что день никак не хотел кончаться, а спать тянуло неумолимо. Вот прямо тянуло! Голова свешивалась на грудь, глаза то и дело закрывались, и он вздрагивал от собственного храпа.

Кошмар какой-то!

– Темка, ляг ты, Христа ради, – взмолился Еремеич, оттесняя его от штурвала, – сколь уже не спал-то! И чего вообще поперлись? Ну, постояли бы еще денек, отдохнул бы толком.

– Отдохнул, – передразнил Артем ворчливо, – а работает пускай Пушкин Александр Сергеевич!

– Молодец, начитанный, – одобрил старик, – а в книжках вот учат старших уважать и слушаться. Что ты, мне не доверяешь, что ли? Ну то-то, иди давай тогда отсюда.

Артем знал, что старик прав. Надо выспаться. Из последних сил управлять яхтой – глупо и опасно. Еще в мореходке учили не рисковать попусту, чудеса выносливости не демонстрировать, и лучше вздремнуть пару часиков, чем крутить штурвал трясущимися от усталости руками.

Он потер глаза и вышел из рубки.

Еремеич справится, конечно, это не вопрос. Но Артем до смерти не любил перекладывать работу на чужие плечи. Даже если это сильные и надежные плечи деда.

Дед его вырастил, хотя был вовсе не родным, а каким-то там пятиюродным дядей Артемовой беспутной матушки, которой тридцать три года назад пришло в голову закрутить курортный роман, а результат романа вернуть сюда же, на юг. Кроме Еремеича у нее были, наверное, еще родственники, но ни один из них не горел желанием воспитывать чужого младенца. А деду пришлось. Когда племянка, каждый год гостившая в его хибарке, прикатила однажды с трехлетним бутузом и в очередной раз пустилась во все тяжкие, Еремеич заявил, что ребенка к такой матери подпускать нельзя. В ответ услышал: «Ну и забирай его себе!» Думал, шутка такая, оправдывал неопытностью и юношеским максимализмом. Но ошибся. Потом надеялся, что молодая мамаша опомнится и приедет за Темкой. Она не появлялась, а вскоре Еремеич понял, что пацана никому не отдаст. Он всю жизнь жил бобылем, и с малолеткой пришлось ему трудновато, особенно зимой – «Никакого же промыслу тебе», уточнял дед, – но они справились.

Артем над стариком любовно подшучивал:

– Не ляпнул бы этой стерве про ее моральный облик, и горя бы не знал!

– Не стерва она, Темочка, просто запуталась баба, – добродушно возражал Еремеич.

И про горе тоже возражал. Какое ж горе, если внук у него вырос?

Да еще какой внук! Местным кумушкам и кумам не снилось даже. Их-то ребятня в большие города подалась, открытки на Новый год и дни рождения слала, в отпуск раз в полвека собиралась. А Артем при нем всегда.

– И при деле, – добавлял Еремеич горделиво. – Да дело-то непростое, благородное! И зарабатывает он хорошо! И жених хоть куда!

Все это было правдой, и соседям оставалось только скрипеть зубами от зависти, и дочерей, еще не укативших в «большой мир» науськивать на Артема Кондратьевича, тридцати двух лет отроду, с высшим образованием, с головой на плечах – плечи вообще отдельного описания требовали! – и с собственной яхтой впридачу. Ну, и со своими тараканами, конечно, у кого их нет?! Главным тараканом Артема была его основная работа. Имея неплохие доходы с яхты, на которой развеселые туристы отправлялись смотреть дельфинов, он зачем-то продолжал служить в МЧС. Пенсию, что ли, обеспечивал? Дело хорошее, правильно Еремеич

говорит, но ведь опасно... И грязно, и муторно, и тяжело поди. Отдашь за такого дочку, и вдову получишь.

Впрочем, эти самые соседские дочки не больно-то и рвались за него замуж.

«Страшный же он!» – кривились местные барышни. Старшее же население на подобные замечания досадливо хмыкало и заявляло, что с лица воду не пить. Все это Артему было прекрасно известно, общественное мнение в городе легко и быстро доходило до адресата, к тому же Артем время от времени брился и, стало быть, со своей физиономией в зеркале сталкивался. Зрелище, действительно, было не из приятных. Мало того, что природа слепила ему подбородок лопатой и хищный нос, лоб навесила совершенно гориллоподобный, глаза втиснула так глубоко, что не разглядеть ни цвета, ни выражения, так еще работа свое добавила. Расчищая очередной обвал, Артем рассек скулу и украсился вполне боевым шрамом. Несколько раз в пожарах обгорал, и последствия были видны на спине и на шее.

К тому же ему неохота было ходить в парикмахерскую, и он щеголял почти лысой башкой. Приплюснутые боксерские уши и внушительный затылок с парочкой рубцов добивали местных красоток окончательно. Впрочем, была еще одна деталь, которая приводила их в ужас.

Боязливые взгляды впечатлительных девиц ужасно раздражали Артема. Однако помимо землячек были еще курортницы, жадные до приключений и всяческой экзотики. Наверное, Артем как раз подходил под последнюю категорию – он страшно возбуждал приездных дамочек своим зверским видом.

А они его очень забавляли. Правда, недолго. Потом соседи со вкусом обсуждали, что очередной столичной штучке так и не удалось охоту завидного жениха, и с нетерпением ждали новых представлений.

И спрятаться от вездесущих аборигенов было некуда. Пожалуй, это единственное, что отравляло Артему жизнь.

А в общем и целом бывший морской пехотинец, а ныне майор МЧС, считал себя человеком счастливым.

Правда, сейчас осознавать собственное счастье не было сил.

– Сидишь? – вяло осведомился Артем у черта, примостившегося на пороге каюты.

Ника – солидная, абсолютно черная, бородастая, с торчащими будто рожки ушами и челкой, закрывающей глаза, единственная постоянная женщина в их с дедом доме, та самая деталь, что вводила в священный трепет нервных девиц, – ехидно оскалилась.

Видишь же, что сижу, чего спрашивать?!

Ну да. Пустых разговоров она не любила. Ризеншнауцер – собака серьезная и деловая, так что имей уважение, помолчи. Умней выглядеть будешь.

– А я щас лягу и посплю, – все-таки счел необходимым доложить Артем и мечтательно потянулся. – Часика три, а то и четыре, ясно?

Ясно, ясно, закатали глаза Ника и вроде бы нехотя протопала за ним в каюту.

– Правильно, – одобрил Артем, – тебе тоже отдых не помешает.

Последние трое суток они с Никой провели в завалах. И еще неизвестно, кто больше потруился, вытаскивая на свет Божий незадачливых лыжников в Красной Поляне.

– Я бы тебе памятник поставил, – сказал он, зевая. – Чес слово, поставил бы!

Ника пренебрежительно потрясла вихрастой башкой. Памятник – это перебор. Ей вполне было достаточно того ведра с шашлыками, что выставил Еремеич, как только они оказались дома. Ника шашлыки обожала и лук тоже трескала за милую душу, а после обеда становилась похожей на папуаску – вся в репчатых кольцах.

– И медаль бы тебе выдать, – все бубнил сердито и сонно Артем, – или сразу несколько, чего мелочиться! Вот чуть разгребем дела, свожу тебя на выставку. Чес слово, свожу!

– Гав-гав, – не поверила Ника.

Он обещал это после каждой трудной работы. А другой и не было.

Только Артем улегся, только Ника устроилась поперек его коленок, свесив голову и подметая бороденкой пол, как затрезвонил мобильный.

– Меня нет дома, – пробурчал хозяин, но это была ложь, а Ника врать не любила.

Вразвалочку она добрела до стула и с видом утомленного труженика притащила к кровати комбинезон, в кармане которого надрывался сотовый.

– Да ну тебя, – обиделся Артем, но телефон достал.

Ника удовлетворенно плюхнулась на задницу и повела ухом.

– Слушаю, – сказал Артем, отвернувшись от нее в притворной досаде.

Но Ника важно взобралась на кровать и пихнула его в бок чубатым лбом.

Это я слушаю, всем видом давала понять она, а ты спишь на ходу!

И то правда. Не слышит он ни хрена, и глаза опять-таки прямо слипаются, и зевать уже устал. В трубке что-то трещало и позвякивало – то ли уши ему заложило от усталости, то ли помехи на линии. Все-таки от берега они прилично отошли.

– Алле, – пробился наконец далекий голос, – алле, Темыч!

– Здорово, Семен. Че случилось?

Сразу – «че случилось»? И еще на собаку удивляется! Сам говорить по-человечески не умеет! Тут друг звонит, сто лет не виделись, а он – «че случилось?!»

– Эдик женится! Ты слышишь, Темыч? Наш Эдик женится!

Их было четверо – закадычных еще со школьных времен. Эдик – румяный, добродушный очкарик, вечный двоечник, но смирный и безобидный. Выбился в люди, как говорит дед. Виноградников видимо-невидимо, заводик маленький и еще парочка ресторанов и агентство по недвижимости в Большом Сочи.

Артем – хмурый переросток-каланча, молчун и зануда. Даже деды в армии обходили его стороной, наткнувшись на холодный взгляд из-под насупленных бровей.

А близнецы – Сенька со Степкой – всю жизнь хулиганы, заводилы, бесшабашные, фартовые, резвые, будто с пером в одном месте.

Объяснить их дружбу было невозможно. Только сейчас, к тридцати с лишним годам, появилось что-то общее. Все четверо так и оставались холостяками. Правда, в силу разных причин.

И вот, здрасте вам! Эдик женится!

– Эй, Сенька, ты ничего не путаешь? – Артем от удивления даже забыл, что хочет спать. – Мы с ним на прошлой неделе виделись, ни про какую свадьбу и речи не было!

– А теперь есть! – с удовольствием возразил Семен.

– Слушай, скажи толком, а?

– А я как говорю? Заявление они подали. Эдик, конечно, денег кому надо сунул, и через пару недель их уже распишут. За это время он как раз все к свадьбе подготовит.

– Да с кем распишут-то?! – взбеленился Артем. Все любовные приключения Эдика сводились к тому, что очередная девица начинала требовать – сначала шубу, потом «мерседес» последней модели, потом часть акций, потом ежедневное пособие, суммой с четырьмя нолями. Эдуард Самсонович хоть и был человеком в высшей степени наивным и добродушным, но такое положение дел его не устраивало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.